

Гуревич Л. Грусть как концепция/ Владимир Шинкарев. Мрачные картины. [Буклет выставки] СПб., 1999 (Санкт-Петербургское о-во А-Я)

Тринадцать видов Петербурга представил на своей выставке Владимир Шинкарев. Город, на первый взгляд, изображён вполне натурально. Никакой знаковости, деформации или заметного упрощения. Тут даже осталась световоздушная среда и редко нарушаемая линейная перспектива. И если что-то вырисовывается не совсем ясно, то виной тому мгла или ночной мрак. Да, узнаешь свой город в его унылые дни и черные, беззвездные ночи. Узнаешь навязанную им тусклую печаль и заторможенность.

И, только вполне пропитавшись настроением картины, начинаешь протестовать: да нет же, нет ни в хмуром слякотном дне, ни в черноте ночи такой беспросветной, такой гнетущей грусти. Там зажигаются огни и светят окна, там рябь бежит по чёрной или серой воде, там суета прохожих и машин. А на картинах ни проблеска, ни блика, ни зыби, ни игры теней, тут невыносимо плоски и однотонны вода и небо, а человеческие фигуры если и появляются изредка, то либо тусклые, заношенные, слившиеся с серым днём, либо зловеще-чёрные силуэты на призывно розовом стекле витрины — ядовитом и скучном соблазне в ночи. Хроматический цвет редкость в этих серо-черных полотнах, и если появляется, то ослабленный, щемяще-одиноким. Яркий цвет невозможен, как невозможно яркое чувство. В сером и чёрном тaitся и исчезает бытие, обесценивается и обезвреживается пафос — не вдохновенен и не угрожающ, а только печален Ленин, жестикующий в голую пустоту неба. И всё в городе сделалось метафорой грусти, все его облики и ипостаси — и вечные реки, каналы, переулки, и жестко — скучные советские постройки, и кокетливый (а здесь зловещий) пруд в Ораниенбауме, и беспорядочные фабричные строения. И даже нахальные рекламные щиты — даже они, у Шинкарева источают уныние.

Что же противостоит этой безнадежной печали?

Очевидная, я бы даже сказала: яркая — красота черно-серого прямоугольника. Видимое сладострастие в оттенках, в эффектах серого и чёрного. Тайное сладострастие печали. И, конечно, та твёрдая умелость, с которой он подчиняет своей задаче самый разный материал.

Вглядитесь в знакомые места, вспомните: вот тут около памятника Ленину у Финляндского вокзала стоят строгие ели — как почётный караул, как символ беспощадной страны, созданной взмахом этой руки. Художник заменил официальные ели деревцем с мягкой паутинистой кроной — и вот уже можно увидеть покинутой и пожалеть обнимающую пустоту фигуру. Шинкарев, как всегда, сделал с нами, что хотел.

Тут грусть не порождается грустной картиной, но порождает грустную картину. Грусть тут не окрашивает картину — она её настраивает, она её конструирует. Тринадцать картин, сконструированных грустью. Что ж, это далеко не худший способ «концептуальности». По крайней мере, не противоречащий природе живописности. Качеству живописности, которое бесконечно радуется в Шинкареве